

ЕЛЕНА ДЖЕРО

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ВИА · АППИА · АНТИКА

ЛЮБ ЖЕЛТЫЙ КАРМАН

Елена Джеро

**Лоб Желтый Карман. Место
преступления: виа Аппиа Антика**

«Издательские решения»

Джеро Е.

Лоб Желтый Карман. Место преступления: виа Аппиа Антика /
Е. Джеро — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747740-0

По случаю кончины хозяйки на старинной римской вилле собирается «безутешное» семейство. Но вскоре вилла превращается в место преступления, а гостям грозит смертельная опасность. Единственная надежда на спасение — найти спрятанный на вилле клад, путь к которому указывает непонятный шифр. За дело берется русская невестка покойной Анна Ясинская. В этой книге все не такое, каким кажется: и место действия, и герои, и сама история, которая только маскируется под классический детектив в запертом доме.

ISBN 978-5-44-747740-0

© Джеро Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пятнадцать человек на сундук мертвеца	6
Глава 2. Графиня разбитых сердец	19
Глава 3. Бритва Оккама	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лоб Желтый Карман

Место преступления: виа Аппиа Антика

Елена Джеро

Посвящается моей маме

Дизайнер обложки Валентина Гредина

© Елена Джеро, 2017

© Валентина Гредина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-7740-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пятнадцать человек на сундук мертвеца

– Бонасера¹, синьора Джа... Жа... – не одолев иностранных звукосочетаний, импозантный карабинер сморщил в затруднении нос и замолчал в ожидании подсказки.

– Ясинская, – подследственная доброжелательно улыбнулась. – Можно просто Анна.

Надо постараться расположить к себе этого павлина, пока он не повесил преступление на нее. Сколько тут у них за убийство дают? Двадцать лет? Пожизненное?

Как выглядит местный каземат изнутри, Анна знала из телевизионных репортажей про мотающих срок боссов мафии. Каптивированные доны проводили не лучшие годы своей туманной жизни в такой клоаке, в которой даже граф Монте-Кристо повесился бы от тоски. А если уважаемая часть общества не может обеспечить себе тюремный люкс, что же говорить о простых заключенных? Невинных причем!

– Польша? – холодно осведомился «павлин», из-за фамилии, конечно.

Акцент у нее не характерный, а правильные черты лица допускали любое происхождение. Но главная путаница происходила из-за глаз: они у Анны были сиреневые, яркие, обычно прикрытые цветными линзами – от вопросов типа: «Вы поколение индиго, да?» или еще гениальнее: «Скажите, вы не из будущего?» Так что большинство знакомых пребывало в уверенности, что глаза у нее зеленые, подходящие к карамельным, в рыжину, волосам. Но сейчас линзы отсутствовали – они остались там, где чуть было не осталась навсегда сама Анна.

– Русская.

Она тоже ползала по нему взглядом. Впечатление было такое, что карабинер прибыл в этот бесцветный кабинет семнадцатого участка прямо с военного марша и не успел сменить ни парадную форму, ни выражение лица. Черный мундир с серебряными галунами и орденскими планками (целая дюжина, ого!), на погонах корона и три звезды. И хотя в итальянских знаках отличия Анна не разбиралась, все-таки было ясно, что павлин – птица непростая. Под стать загадке, которую ему предстояло разгадать.

Потомок легионеров снова уткнулся в ее анкету, бормоча вполголоса:

– Тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года рождения... гражданство – Италия, Россия... безработная...

Наконец, закончил, сложил перед собой руки замком и изрек:

– Я – следователь по особо важным делам колонель Мауро Монте. Мы...

Анна вскочила, уронив с грохотом стул.

– Колонель Монте??? Тот самый??? Так это вы!!!

Даже ресница не дрогнула на карабинерском челе.

– Синьора, успокойтесь, вернитесь на место, – холодно скомандовал дознаватель. Подождал, пока Анна снова окажется в сидячем положении и продолжил:

– Мне известно о том, что мое имя фигурировало в происшествии. Моя задача – выяснить, кто за этим стоит. Ваша – изложить всю имеющуюся информацию. Подробно и внятно.

Тут он, видимо, вспомнил, что имеет дело со штатской, и вместо того чтобы гаркнуть: «Задача ясна? Приступить к выполнению!» – мягко закончил:

– С самого начала.

Анна задумалась, глядя на незагорелую полосу на правой руке. Эх, как же браслета не хватает! Он всегда помогал в моменты, когда надо сосредоточиться или успокоиться (или и то и другое, как сейчас). Но даже при воспоминании о нем скачущие в галопе мысли при тормозили и пошли шагом.

¹ Buona sera – добрый вечер! (итал.)

Итак, что можно назвать началом в этой истории? Утро, когда был обнаружен труп? Или все-таки вечер, когда он был еще жив?

– Чем больше деталей, тем лучше, – подсказал колонель. – Как вы попали на виллу? Приехали на такси?

– Нет, на машине. У нас «БМВ-кроссовер». Берто попросил привезти кое-какие вещи. Они с Филиппком прилетели прямо из Лондона, это мужа сын, от первого брака, я его Филиппком называю, но на самом деле его, конечно, Филиппо зовут. Вы знаете, он вундеркинд, в тринадцать лет – уже на втором курсе университета! Оксфордского, между прочим! У вас есть дети?

Мауро Монте изобразил терпеливую улыбку.

– Синьора Ясинская, про детей после. Сначала давайте разберемся с делом. Постарайтесь рассказывать по порядку, пожалуйста. Итак, вы прибыли на виллу в собственном автомобиле. В котором часу?

– Где-то в семь. Только начинало смеркаться...

Суббота, 3 октября. Где-то в семь.

Только начинало смеркаться. Гасли розовые блики на коре пиний, растворялись длинные тени, краски осваивали холодную гамму. Небо лишь начинало темнеть, но уже выставило свой пока бесполезный фонарь – круглую луну. Чем дальше от центра, тем тише становился голос города, а тут, на Четвертой миле, Рим совсем замолчал. Даже ветра не было – деревья не шелестели листвой, абсолютно зеленой, несмотря на начало октября.

Настроение у Анны было мрачным – не столько из-за неожиданной кончины свекрови (ну не совсем неожиданной – все-таки восемьдесят один годок отсчитала), сколько из-за несвоевременности прискорбного события. Теперь разговор о разводе, к которому она столько готовилась, придется отложить. Роберто к матери был сильно привязан, жестоко обрушивать на него дополнительный удар. Если, конечно, для него это действительно будет ударом, а не избавлением от затянувшегося наваждения, как предполагала молодая женщина. Но в случае удара нельзя уходить, надо оставить все как есть и мучиться дальше. Хотя, по мнению ее российских подруг (в основном работающих и незамужних), мучение это было весьма относительное. Они все как одна готовы были поменяться с ней судьбой в любой момент и сделаться женой синьора Морацци. Графа Морацци теперь уже – титул ведь переходит к старшему сыну. Погодите-ка, так она теперь графиня, что ли?

Мысль о разводе внезапно показалась гораздо менее привлекательной, чем раньше. Сразу в голове проснулась-заерзала мысль: куда торопиться, спрашивается? Может, она себе все напридумывала, а он на самом деле продолжает ее любить? Вот если б налицо был факт измены, например, тогда да, сомнений бы не было и развод был бы логичным и единственно правильным решением. А так – гадай тут, цепляйся за призрачную надежду. Любит? Не любит?

– Очень хотелось бы, чтобы не любил, – сказала Анна вслух и посмотрела в зеркало заднего вида, словно собеседник тоже сидел в машине. – Потому что если любит... – И, не договорив, рассердилась: монолог сотни раз прокручен в голове, как и десятки жизненных короткометражек-доказательств отсутствия чувств. Окончательный вердикт вынесен: не любит. А что в такой ситуации будет правильным предпринять? Только одно: реставрировать причиненный ущерб, возвращать жизнь Роберто на место. В этом браке оставаться больше нельзя – без главной на то причины.

Вот так. Честное и категоричное решение было принято, и на браслет была навешена новая группа кубиков: ЕОНИПО, что расшифровывалось как «Единственная ошибка – не исправлять прошлых ошибок». Это мудрое высказывание Конфуция призвано было всякие

попытки дезертирства пресекать и возвращать Анну на поле боя со своим же собственным демоном, тем, кто сейчас нашептывал: «Может, не разводиться?» Такую оригинальную методику Анна изобрела еще в юности и с тех пор неустанно практиковала. Как только внутренний враг начинал науськивать на нехорошее – Анна тянулась к браслету. Повторишь пару раз нужные слова, как мантру, демон и уймется.

Правды об истинном назначении браслета никто, разумеется, не знал. Даже Роберто она объяснила, что таким образом просто информацию запоминает. Когда-то стихи заучивала по первым буквам абзацев, а теперь у нее браслет вместо ежедневника. Роберто идею похвалил и для изучения языка подарил ей сделанные на заказ итальянские кубики (сто пятьдесят штук, чтобы хватало для повторов). Новые кубики были платиновыми с маленькими диамантами, чтобы можно было носить на официальные мероприятия, но она предпочитала эти. Пусть старые, зато родные – Анна с ними, можно сказать, срослась. На некоторых буквы стерлись от времени, ведь снять последовательность разрешалось, только когда она становилась больше не нужна.

Надо признаться, не все уроки усваивались быстро, поэтому на браслете одновременно красовалось несколько зашифрованных гирлянд. Сейчас их – целых пять. Анна на секунду перенесла взгляд от дороги на обвивающую запястье кожаную нить, на которой, словно четки, постукивали разделенные узелками кубики. И чуть указатель «Via Appia Antica»² не проехала – заметила в последний момент. Вырулила с асфальта на мощеную базальтовыми плитками дорогу и поплелась еле-еле: то и дело попадались участки со здоровыми булыжниками, по которым еще Цезарь скакал. И все его центурионы. Как они умудрялись это делать на колесницах, было непонятно, тут и на джипе-то с трудом.

Группа припозднившихся туристов паслась прямо возле нужных ворот, фотографируя круглый травертиновый мавзолей. Точнее, то, что от него осталось. Развалин на Аппиевой дороге хватало – в начале прошлого тысячелетия она выполняла кроме транспортной функции еще и фунеральную. Очень престижно считалось сложить свои кости именно здесь и поставить монумент повыше, чтобы все входящие в Вечный город и выходящие из него видели и восторгались.

Первоначально мавзолей стоял на территории усадьбы Морацци, но хозяйка, покойная ныне графиня Сильвана (или бабка Сильвана, как про себя называла ее Анна), великодушно подарила городу целый ар, лишь бы не видеть ни туристов, ни реставраторов, ни разнообразных уполномоченных городским советом любителей старины.

² Старая Аппиева дорога.

Подарила и отгородилась от всех высоченной чугунной оградой с острыми наконечниками – у Анны они неизменно вызвали ассоциацию с забором средневекового замка, на который периодически водружались головы поверженных врагов.

Вход вместо горгулий сторожили камеры, торчащие с обеих сторон ворот, а за живой изгородью – туристам было не видно – стоял еще один забор, уже под током. Сотовой связи на территории поместья не было, Анна сначала думала – из-за слабого покрытия, но выяснилось, что по хозяйскому приказу установлены заглушки-подавители. Причиной такого решения послужило отнюдь не отвращение к высоким технологиям и не принадлежность к движению амишей. Дело было в том, что графиня, и в молодости отличавшаяся подозрительным характером, к старости окончательно погрузилась в пучину мании преследования. В каждом туристе ей мерещился подсланный убийца, соседи казались поголовно состоящими в преступном сговоре и потому на порог не допускались, а Анну, приезжающую два раза в год – на Пасху и Рождество, бабка считала русской шпионкой, вышедшей за Роберто только для того, чтобы поближе подобраться к вилле. В общем, забавная была старушенция.

Анна бибикнула, камеры и туристы повернули головы, пригляделись. Через минуту тяжелые кованые ворота начали медленно раздвигаться, открывая прямую белогравийную дорогу к особняку. Глубоко вдохнув, водительница шумно выдохнула и нажала на газ. Внедорожник со скрежетом покатился по щебню, массивные створки ворот медленно сомкнулись за спиной.

Часовые-кипарисы по бокам дороги сопровождали залученных гостей прямо до парадного крыльца старинного трехэтажного здания. Вилла была построена в классическом римском стиле – кроме облицованных белым кирпичом карнизов и сандриков, никаких украшений, даже балконов нет. Стены цвета марсалы – мрачно-розовато, на Аннин взгляд. Белый бы гораздо лучше смотрелся, но тогда здание перестало бы напоминать зловещий замок, а превратилось бы в летний дворец.

Два первых этажа виллы были одного размера, с продолговатыми, словно вытянутыми в высоту, окнами. Последний же этаж был заметно ниже и компактней – там располагались графские покои, из которых бабка Сильвана выползала крайне редко. Сейчас оконные стекла бабкиной спальни, отражая небо, отблескивали огненно-малиновым, и казалось, будто этот мистический свет льется изнутри дома. Анна напомнила себе, что хозяйку готовят в последний путь в ритуальном бюро, но эзотерические мысли продолжали лезть в голову. Наконец машина свернула к парковке, ракурс изменился, и завораживающее сияние исчезло.

На широкой площадке позади особняка отдыхал блестящий «Вольво» и пыльный пятисотый «Фиат» с инвалидной наклейкой. «Фиат» был знакомым – на нем совершали нечастые вылазки слуги, бабка, понятное дело, свою крепость не покидала никогда. Припарковавшись, Анна улыбнулась зеркальцу заднего вида (помада в порядке, тушь тоже), надела на лицо траурное выражение и приготовилась к встрече с семейством.

Первый представитель семейства – в образе миниатюрной женщины, похожей на куклу с фарфоровым лицом, поджидал прямо на выходе с парковочной площадки. Уперев одну руку в бок, другой она поправляла шейный платочек (призванный прикрывать заживающий шрам от недавней подтяжки). Клаудия Морацци приходилась младшей сестрой Роберто, точнее, одной из двух сестер-близнецов, и единственным в семье человеком, кто хорошо относился к русской. Вероятно, потому, что, подобно Анне с мужем, между ней и ее молодым человеком тоже имелась существенная разница в возрасте, только в другую сторону: молодой человек у почти пятидесятилетней женщины был и правду молодой. И довольно привлекательный. И вдобавок француз. Накачанная фигура, кудрявые длинные волосы, забранные в «хвост», и выразительные, как у коня, глаза, которыми он неустанно смотрел на женщин.

Имя у красавца было подходящее, маскулинно-охмуряющее, – Дидье. Родственники Морацци дружно считали его альфонсом, и что удивительно, он этого никогда и не отрицал, наоборот – подчеркивал, чем приводил кумов в состояние тихой ярости.

– Бонжур, Аннет, – проворковал, премило картавя, показавшийся из-за куста альфонс и приложил два пальца к несуществующей шляпе. – С приездом. Робер в патио. – Он всех называл на французский манер.

– Добрый вечер, – с приличествующей случаю грустью в голосе поздоровалась Анна. – Клаудия, мои искренние соболезнования.

Клаудия, видимо, в данный момент пребывала не в лучшем расположении духа.

– Поздравляю, милочка! – процедила она сквозь зубы вместо приветствия и продефилировала мимо, утачив на буксире любовника и щенка породы джек-рассел.

Дидье за ее спиной мученически закатил глаза и послал девушке воздушный поцелуй.

«Пса могла бы и представить – он новый», – желчно подумала Анна, ища на ощупь левую из двух коротких гирлянд на браслете – всего три кубика: ИЭП («И это пройдет», как сказал царь Соломон). Дотронулась до каждого и решила на поведение золовки внимания не обращать – не за горами уже тот день, когда братия снобов перестанет считаться ее семьей.

Улыбнувшись этим мыслям, она направилась к патио, искать пока еще не бывшего мужа. Патио представляло собой расположенный вокруг перголы небольшой садик с фонтанами и клумбами – единственный на всю усадьбу. Вдоль коротеньких аллей отцветали пышные рододендроны, по беседкам малиновыми ручейками струилась бугенвиллия, росло несколько оливковых и гранатовых деревьев, китайский апельсин и даже какой-то похожий на дикобраза представитель семейства пальмовых. Анна, выпускница биологического факультета, в каждый приезд клялась себе привезти атлас и установить название этого чуда, но уезжая, естественно, забывала. Кроме этого оазиса, поместье было абсолютно лысым – остальных фитожильцов старая графиня приказала вырубить и сжечь. Под напором душевного недуга, не иначе.

Анна свернула на боковую аллею и вынырнула из зарослей точно у перголы. Деревянный навес, увитый эдерой, походил на восточный шатер. Внутри сидели трое. Во главе каменного, отделанного мозаикой стола склонился над бумагами муж – видно только черный с искрой костюм да серый, соль с перцем, ежик торчащих волос. Рядом, периодически тыкая в бумаги длинным скрюченным пальцем, сгорбился незнакомый старик с бабочкой на шее и золотым моноклем в глазу. С другой стороны от Роберто восседала прямая, как ферзь, Патриция – вице-президент корпорации и вторая сестра.

На свою двойняшку эта бизнес-вумен походила мало. Она и роста казалась более высокого, даже в присутствии сестры. Умный, пронзительный взгляд, гордо вскинутый подбородок и укрошенные сложной прической фамильные проволочные волосы – портрет королевы. Рамкой к портрету выступал возлегающий в шезлонге неподалеку супруг – доктор Карло Антониони, профессор кафедры классической археологии Римского университета и действительный член Европейской академии наук. Слегка покачиваясь из стороны в сторону, он курил пахучую трубку – ноздри Анны вдохнули терпкий, сладковатый аромат.

Это от профессора Анна узнала, что мавзолей на входе относится ко второму веку нашей эры, а на месте виллы Морацци две тысячи лет назад располагались владения Сенеки. Именно здесь опальный философ получил приказ от Нерона покончить жизнь самоубийством, и небольшая кирпичная колонна чуть выше по Аппиевой дороге, без опознавательных знаков и украшений, не что иное, как его могильная плита. Никаких других тем, кроме исторических, профессор никогда не поддерживал, и в отсутствие заинтересованных собеседников тихо обсуждал перипетии прошлого сам с собой.

Профессору Анна слегка кивнула, поцеловала мужа, произнесла печальные слова, потрясла руку Патриции и опустила на свободный стул рядом со старичком. Старичок оказался бабкиным доверенным лицом, адвокатом и нотариусом, а стопка листов под носом у Роберто – бабкиным завещанием. Тут-то грубость Клаудии и нашла объяснение – графиня, земля ей пухом, в лучших древнеримских традициях оставила все имущество любимому первенцу. И теперь восемьдесят гектаров самой дорогой в Риме земли вместе с трехэтажным зам-

ком и забором с горгульями принадлежит им с Роберто. Как и ненависть остальных членов семьи, надо полагать.

– На счетах, к сведению уважаемого синьора, в данный момент немного – порядка шестидесяти тысяч, что от их же июньского вклада остались, – старомодно обращаясь к Роберто в третьем лице, шелестел адвокат. – Я взял на себя смелость часть средств перевести на депозитный счет, процент небольшой, но на текущие надобности хватает, – он вытащил из крокодилового портфеля кожаную папку и придвинул новому хозяину.

Роберто откинулся на стуле, своей высокой спинкой напоминавшем трон.

– После посмотрю, синьор Бальдаччи. Это не горит.

Синьор Бальдаччи мелко закивал.

– Тогда последнее. Глубокопочитаемая графиня Морацци особо просила проследить за судьбой достойнейшей четы де Роз. Досточтимый синьор Морацци, должно быть, помнит, сколь высоко их матушка ценила преданность этих во всех смыслах положительных людей. В пункте пятом приложения оговорено, что в случае, если новый владелец недвижимости найдет необходимым прекратить с ними трудовое соглашение, надобно выплатить указанную компенсацию в самый день увольнения. Подчеркиваю, только при этом обстоятельстве. Если же, напротив, он сочтет возможным пролонгировать срок службы вышеназванных помощников всего лишь на пять лет, то выплачиваемая сумма будет сокращена вдвое. Элементарные расчеты подсказывают абсолютную выгодность...

– Я сейчас не собираюсь никого увольнять, адвокат, – оборвал витиеватые объяснения Роберто. – И позабочусь о том, чтобы после продажи виллы синьоры де Роз либо продолжили работу, либо получили компенсацию.

Старичок прикрыл морщинистой ладонью открытый рот.

– Ка-ак? Уважаемый синьор намерен расстаться с именем?

– Да, – твердо ответил наследник. – И не только с именем. – Он длинно вздохнул, не отнимая глаз от документа. – В понедельник я буду вынужден отбыть сразу после похорон, поэтому прошу вас подъехать сюда опять завтра вечером, мы внесем изменения в мое завещание.

– Чего-о-о? – раздался прямо над ухом визгливый голос Клаудии. Она уцепилась за спинку Аниного стула и раскачивалась в такт своим словам, почти касаясь выпирающей грудью затылка девушки.

– А семье, значит, ничего сказать не надо?! На семью, значит, наплевать?! Нет, вы слышали? Дом – продать, из завещания – вычеркнуть! – Она пробежалась горящим взглядом по ошеломленным лицам, задержавшись на сестре, и, не найдя поддержки, обернулась.

– Маурицио! Поди-ка сюда! Полюбуйся, как твой брат втыкает родственникам нож в спину! Маурицио!

Все автоматически перевели глаза в конец аллеи, где стоял, прислонившись к дереву, младший сын графини и смотрел на Филиппо, который ползал по земле и рисовал что-то палкой. Услышав свое имя, он вскинул голову и, хлопнув племянника по плечу, зашагал к перголе. Мальчик, поднявшись с колен, посеменил за ним. Издалека их можно было принять за братьев: оба в темных сорочках и жилетах, брюках со стрелками и веником каштановых волос на большелобых головах.

По мере их приближения стали слышны звуки.

– Ты прост млоток, Фили! – восторгался Маурицио.

Единственный из всех отпрысков графини он остался жить в Риме и говорил на местном диалекте – романеско, откусывая часть звуков от половины глаголов и от всех имен. Кроме Аниного – от него не откусишь.

Помимо усекания слов, римляне многие сочетания звуков произносили вообще «не по-итальянски», использовали двойные гласные и согласные там, где по правилам одна, и вообще

всячески коверкали язык. Но в целом получалось певуче. И если неаполитанский диалект можно было назвать сердцем итальянского, а миланский – мозгом, то римский, скорее, душой.

– Имни кого, гваришь, эт ранновесье?

– Равновесие Нэша названо в честь Джона Форбса Нэша, – бубнил подросток, глядя под ноги, – лауреата Нобелевской премии по экономике тысяча девятьсот девяносто четвертого года «За анализ равновесия в теории некооперативных игр» вместе с...

Маурицио засмеялся:

– Робе, твой сын объяснил мне теорию игр! И я даж пошти ее понял! Ну глава! Пряма Эйнштейн! Чао, Анна!

– Эйнштейн разрабатывал другую теорию – единую теорию поля, ее еще называют теорией всего, – монотонно начал мальчик, но отец его перебил:

– Филиппо, не мешай нам. Иди в дом или погуляй где-нибудь.

Сын, так же не поднимая глаз, повернулся и пошел своим неуклюжим механическим шагом обратно по дорожке.

Анна давно подозревала, что дело тут пахнет синдромом Аспергера, но муж все предложения показать ребенка психиатрам отметал на корню. Еще и злился. А на что тут злиться, спрашивается? Это ведь не его вина. Она специально в Интернете смотрела – причины заболевания не установлены. Да сейчас уже врачи говорят, что это и не заболевание вовсе, а отличие типа гениальности.

– Несправедлив ты с ним, Робби, – словно прочитав ее мысли, тихо сказала Патриция. – Им заниматься надо, а не гнать.

– Вот-вот, – поддержала воинственная близняшка, – заслал ребенка куда подальше – Оксфорд, мать родная, дальше только Йель! С глаз долой – из сердца вон, да? Теперь и с другими так же поступить хочешь? Кровь не водичка, дорогой брат, ее законы надо соблюдать!

Роберто медленно поднялся, словно извергающийся вулкан в замедленной съемке. Его напряженные ладони сжимались в кулаки и разжимались снова, словно пытаясь сдержать потоки пылающей лавы.

Но она все-таки выплеснулась на притихших помпейцев:

– Здесь. Решения. Принимаю. Я. Сам. Без посторонней помощи. И с домом, и с сыном. Который в Оксфорде больше не учится, – и так посмотрел, что никто и рта открыть не посмел для вопросов.

Казалось, сейчас продолжит зловеще: «А вы больше...», но вместо этого последовало спокойное:

– Синьор Бальдаччи, пойдёмте, провожу вас.

Старикан, кряхтя, поднялся и, подцепив свой портфель, мелкими шажками зашаркал к дорожке, по которой недавно пришла Анна (вот оказывается, чей «Вольво»). Роберто в молчании поплыл следом.

Только когда оба исчезли в зарослях, за столом снова заговорили.

– Ну наконец-то! – потирая руки, изрекла Патриция. – Я ему уже два года твержу – не место там ребенку! Давно пора было его из Оксфорда забрать! Так ведь, Анна? (Ах, вот она о чем!) Анна неопределенно пожала плечами. Новость про университет она узнала только сейчас.

– Мальчик особенный у нас, а дети жестокие, – качала головой вице-президент концерна. – Я боюсь, его там обижали. Сколько раз я пыталась обратить внимание отца на его друзей!

Насколько Анне было известно, друзей у Филиппка не было, как, собственно, и врагов. У него также не было жалоб, синяков и рассказов о школьных буднях. Мальчик, казалось, находил меньшую часть времени в окружающей его реальности, большую же проводил в своей, невидимой для всех.

Патриция между тем продолжала сокрушаться:

– Буллинг в любых учебных заведениях существует, это понятно. Но одно дело – в чужой стране, а другое – здесь, у нас, в Техническом. – Французский маникюр бизнес-леди забарабанил по столешнице. – Тут мы и повлиять можем, если что, и предотвратить. Если бы это был мой сын, с самого начала бы здесь учился. И к дому ближе, и Карло как-никак в педагогическом совете, и кафедра прикладной математики очень сильная, одна из лучших среди европейских университетов. Кстати, часть предметов профессора из Лос-Анджелеса читают, включая самого Джозефа Штайна! Он в современной теории игр – человек номер один. Я и с деканом уже списалась – Филиппо примут хоть завтра, очень в нем заинтересованы. Ты должна мне помочь убедить Робби, Анна. Поможешь?

Анна вздохнула:

– Роберто со мной насчет сына не советуется. Я и вижу-то его на каникулах только, да здесь, когда к Сильване приезжаем. Приезжали.

– Все, наездили, – встряла Клаудия, будто ожидала подходящего момента, – поглядите хорошенько на дом-то родительский, может статья, в последний раз. Ну ладно мы с Патришей, девки-бесприданницы, но тебя-то она за что так обидела, а, Маурицио?

Маурицио усмехнулся, посмотрел на сестру сквозь прищуренные глаза.

– Почему я должен обижаться, Кла? Как гворится, кто подождет, тому жажду Господь утолит³. Жаль во ток што не всем ждать нравится, бошшинство идет на компромисс.

Слово «компромисс» он протянул, отчаянно картавя, и положил указательный палец над верхней губой – намек на усики Дидье.

Клаудия часто заморгала и как-то вся сдулась:

– Дурак. Сам не знаешь, чего несешь. Вон какой здоровый вымахал, а до любви не дорос.

– Зато другие драсли, – парировал брат, – метр девьянос пять сплашной лювви! – Он сделал паузу, двигая вверх-вниз бровями, и продолжил: – Вопрос ток, што он так сильно лювит – чеки, кредитки, а мож налишные?

Шарик Клаудиного негодования снова надулся.

– Что же вы все к нему привязались-то, а? Если так сложилось, что нет у человека денег, с ним уже и поделиться, что ли, нельзя? Что тут плохого-то? Какая разница, я вас спрашиваю, синьор это или синьора? – взвизгнула она и уставилась на Анну.

Для Ясинской как раз разницы никакой не было. Сама она очень была недовольна своим вынужденным иждивенством, но пока ситуацию изменить не могла. Черт, неожиданно дошло до нее, Клаудия ее считает женским аналогом жиголо!

А та распалаясь все больше:

– Вы просто нам завидуете, вот что! Вам поперек горла, что мы живем как хотим, для себя! И никто нам не указ!

– Ладно, не кипятись, мы только хотим, чтобы ты была поосторожней! – миролюбиво попросила Патриция.

Но жестокосердный насмешник не сдавался:

– По нногочисленным просьбам исполняется песня Дешеш Мод «Strange love»⁴. Посвящается дорошшим до лювви!

Он вскочил и, пританцовывая, затынул:

– There'll be times, when my crimes, will seem almost unforgivable⁵.

Неправда, что в каждом мужчине прячется мальчик, – в Маурицио жила целая несовершеннoлетняя банда на все случаи жизни. Может, поэтому он и стал детским хирургом.

³ Chi aspetta, Dio l'assetta (*итальянская поговорка*).

⁴ Странная любовь (*англ.*).

⁵ Придут времена, когда мои преступления покажутся почти непростительными (*англ.*).

Хотя Роберто говорил, это он назло, чтобы только не быть, как старший брат, дельцом. «Никак из подросткового кризиса не вырастет, – сокрушался муж, – все протестует. Даже на плебейском диалекте говорит, чтобы Патрицию позлить, клоун».

Ну, клоун или нет, а смотреть на Маурицио было одно удовольствие: двигался он отменно, пел тоже – Анна, забывшись на миг, уже руки приготовила похлопать, но опомнилась. Очень кстати – из-за растительной шторы появился приземистый человечек в синем мундире с блестящими пуговицами, вытянулся по стойке смирно, глядя строго перед собой, и позвонил в серебряный колокольчик. Маурицио перестал петь. Все встали. Человечек поклонился, развернулся и ушел.

– Карло, ужинать, – крикнула Патриция задремавшему мужу, собрала лежащие на столе бумаги и, взяв сестру под руку, первая пошла к дому.

Анна знала, почему приглашение к трапезе было таким необычным. Самуэль де Роз был глухонемым. Как и его жена. Бабка их специально отыскала и вымуштровала по всем законам конспирации. Контакт происходил посредством коротких сообщений, передаваемых на телефоны слуг с помощью bluetooth. Очень уж опасалась старая графиня за свои секреты.

Секрета было два: суперважные документы в коленкоровой папке, про которые бабка Сильвана трещала без умолку, но в них никто не верил, и фамильные драгоценности, про которые она ни одного слова в жизни не сказала, но все были уверены, что они не просто существуют, но и представляют собой главное семейное богатство. Никто уже не помнил, когда именно эта вера родилась. Роберто утверждал, что в детстве ему рассказывал о рубинах с александритами дед, близнецы вспоминали тетку по материнской линии, а Маурицио просто считал, что в таком элитно-зажиточном роду, представителями которого они являлись, не может не быть какой-нибудь серьезной заначки.

Анна склонялась к мнению хирурга. Уже при входе в дом становилось понятно: богатство поселилось здесь задолго до нынешних жильцов. Даже фамильный герб в люнете над мраморной лестницей изображал корону (Карло объяснил, что видимые девять зубцов (из шестнадцати) с шариками-жемчужинами на концах – это отличительные детали графских корон) и орла (символ власти и силы). Лестница приглашала в зеркальную прихожую, где отражения гостей, поправляя прически и воротнички, скользили за позолотой рам в главный зал. Здесь когда-то устраивались коктейли на сто двадцать персон и обеды на шестьдесят, но уже пару десятилетий – с тех самых пор, как старый граф сменил место жительства на фамильный склеп, – за овальный стол розового дерева, приобретенный взамен прежнего – слишком большого, садилась исключительно семья. Если считать семьей и незарегистрированных членов типа Дидье, конечно. Надо заметить, что, несмотря на скромное число присутствующих, в канделябрах всегда зажигались все свечи, в антикварных китайских вазах появлялись пышные букеты цветов и начищенное столовое серебро доставали к каждой трапезе. И хотя младшее поколение Морацци между собой именовали главный зал просто гостиной, все в нем хранило признаки былого величия: и завитки беломраморных колонн, и оригиналы классицистов на стенах (даже Агостино Карраччи!), и вишневый, местами вытертый временем, бархат коленогих стульев.

Гости заняли свои обычные места. Анна – рядом с Роберто, всегда сидевшим во главе стола, по левую руку от графини. Сейчас бабкино место пустовало – слуги, видно, по привычке накрыли на девятых. Роберто сделал знак слуге убрать лишние стул и прибор, и Маурицио оказался рядом с братом. За ним, по обыкновению скрючившись в три погибели, жался Филиппо. С сидящей рядом Патрицией они смотрелись как вопросительный знак с восклицательным. Справа от восклицательного знака разделительной запятой расположился историк, безопасный для соседа-француза. Клаудия же замыкала круг, точнее, овал. Обычно во время семейных трапез она мило болтала с Анной о текущих событиях в России или во Франции (они с Дидье обитали в Ницце), но сегодня только бросала на соседку уничижительные взгляды

и поджимала губы (другие мимические проявления эмоций были недоступны из-за некоторых косметических процедур).

Обделенная наследница продержалась в молчании довольно долго – всю непродолжительную речь Роберто (больше никто не выразил желаний говорить) и две смены блюд (может, именно из-за отменного говяжьего карпаччо и фаршированных утиных ножек). Но после нескольких бокалов положительно действующего на язык бароло обида таки вырвалась наружу.

– Если б только мать была не так больна, верно, по-другому бы имуществом распорядилась, – не поднимая глаз от тарелки, завела Клаудия. – Но, к несчастью, воспрепятствовало воспаленное сознание справедливости. Если другим когда-то раньше помогли, так что? Давать надо кому нужней, а не кому положено. Теперь вот даже в суд не подашь! Живи-надейся на чужую порядочность, проснется ли совесть, нет ли, поди угадай...

Она театрально дотронулась рукой до виска и качнула черными локонами с бордовой прядкой. После чего продолжила слегка помягчевшим тоном:

– Но, слава всевышнему, есть вещи, которые в одни руки-то не сложишь. Которые всем Морацци принадлежат, поровну, без обмана. От изменчивых настроений отдельных личностей не зависящие. И от незаслуженных выходов судьбы тоже, – в этом месте она прикрыла глаза, вспоминая выходы судьбы. – Наши вечные ценности, можно сказать. Отец, как мы сто раз слышали, их матери перед смертью доверил. Значит, и она, по идее, как раз сейчас должна была эстафету дальше передать.

Она подняла лицо и обвела переставших жевать родственников победным взглядом.

– Ты о чем, Кла? – откликнулся первым Маурицио. – Не поня! А-а-а! Ну канеш! Как же мож было забыть! – он отбросил вилку, звонко ударившую по краю блюда.

Филиппо вздрогнул.

Дядя слегка пихнул его в бок и, взяв с колен льняную салфетку, принялся складывать ее вдоль, приговаривая возбужденно:

– Сокровище! Точно! Зачем нам какой-то дом, если мож гораддо больше получить?

Он закончил складывать салфетку, повязал наискосок, закрывая правый глаз, и захрипел:

– Пятнадцать человек на сундук мертвеца! Йо-хо-хо!

Детская песенка вызвала улыбки на всех лицах, кроме детского – Филиппо бесстрастно смотрел на представление.

Карло, кашлянув, спросил тихим, блеющим голосом:

– Простите, я прежде не расслышал. Синьора Сильвана упомянула в завещании про клад?

Патриция глубоко вздохнула и опустила глаза. Дидье расхохотался в голос. Молчаливый Самуэль невозмутимо разливал по бокалам очередную бутылку вина.

– Канеш, упомянула! – серьезно отвечал историку Маурицио. – Ток ведь, как верно заметила моя сестрица, сокровище – наше семейное, поэтому разглашать секрет в присусствии чужих, не связанных с фамилией кровью или узами брака, никак невозмо, – он повернулся к французу и развел руками.

Анна остро почувствовала свою непринадлежность к фамилии. Им и невдомек, что за столом есть еще один человек, которому не следует рассказывать тайны.

– Все зависит от сокровища, Морис, – подмигнул Дидье и опять хихикнул. – Если оно окажется приличным, глядишь, можно было бы и породниться!

Патриция звонко хлопнула в ладоши.

– Хватит. Хотя бы сегодня имейте совесть! – Она презрительно дернула подбородком: – Роберто, скажи им.

Роберто молча пригубил вино, промокнул губы салфеткой и оглядел по очереди всех присутствующих. Притихшие родственники тоже смотрели на него – кто с опаской, кто с вызо-

вом, кто с интересом. Оттянув лацкан пиджака, глава семьи вынул из внутреннего кармана сложенный вчетверо тетрадный лист.

Девять пар глаз уставились на пожелтевший прямоугольник. Десять – пламя свечей дрогнуло на канделябрах – это вошла с подносом синьора де Роз. Роберто подождал, пока она выгрузит розетки с десертом на стол и ретируется к стоящему у дверей супругу, развернул листок и торжественным голосом прочитал: «Совершенно секретно. Ни в коем случае не допускать попадания в руки колонелю М. Монте».

Родственники понимающе переглянулись – на этом М. Монте у бабки Сильваны был пункт. Она почему-то считала колонеля своим личным врагом и главным охотником за сокровищами первого типа, то есть за документами, которые, по ее словам, могли перерисовать всю политическую карту Европы. Непонятно только, что именно так нравилось бабке в сегодняшней европейской политике, чтобы так рьяно ее охранять.

– Дальше вот что, – продолжил хозяин, поправив на переносице очки в тонкой платиновой оправе.

«Fronte tasca gialla
2 fila verde
3 fila a petto
M. sinistra 914
M. destra 1310
Asso vacante
Da lì orario 2113»

Что на русском языке звучало примерно так:

«Лоб желтый карман
2 ряд зеленый
3 ряд грудью
М. слева 914
М. справа 1310
Туз свободный
Оттуда часы 2113»

Бумага слегка хрустнула в пальцах чтеца – единственный звук в замершей гостиной. Словно заколдованные злым волшебником, гости застыли в самых разных позах, но за остекленевшими глазами угадывался бурный мыслительный процесс.

Роберто откашлялся, расколдовывая жертв заклятия.

– Если исходить из того, что это не... – многозначительная пауза, – бред сумасшедшего, то что сей шифр может означать?

Сидящие за столом заерзали, поглядывая друг на друга с выражением замаскированного непониманием подозрения – а ну как сосед загадку разгадал? Возможно ли это? Слишком много тут вопросов, почти столько же, сколько самих не очень связанных друг с другом слов. Например, чья имеется в виду грудь? И зачем буква «М» с точкой перед указаниями направления?

– Мож посмотри? – сидящий рядом с Роберто Маурицио протянул руку.

Старший брат пожал плечами и передал загадочный листок.

– Вслух читай! – потребовали остальные хором. – И помедленней!

Маурицио еще раз громко зачитал текст, написанный выцветшими фиолетовыми чернилами.

– Что еще за лоб такой? На скульптуре, быть может? – предположил француз и посмотрел наверх.

Единственным подобием скульптур были парящие здесь же, в зале, барельефы ангелов. Подозрений на замаскированный тайник они не вызывали.

Маурицио, отметая нелепую версию, покачал головой. И вдруг хлопнул себя по просторному лбу:

– В фонтане!

Загремели отодвигаемые стулья, и через несколько секунд за столом никого не осталось. Еще бы! Фонтан – копия знаменитой «Венеры Милосской с ящиками» Сальвадора Дали – идеально подходил под начало чудного описания. На лбу фигуры имелся чуть выступающий позолоченный ящичек (лоб «желтый карман»), ниже, на туловище, располагались еще пять. Роберто рассказывал жене, что отец при жизни обожал Дали, причем не столько технические решения гения, сколько расшифровки спрятанных в произведениях символов. Например, ящичек на лбу Венеры означал доступ к ее мыслям, за правой грудью находилась интуиция, а за левой – любовь.

Но сейчас составляющие скульптуры рассматривались сгрудившимися вокруг кладоискателями только на предмет соответствия шифру. Итак, лоб «желтый карман» найден. «Грудные» ящички, в отличие от «головного», были благородного зеленоющего окраса благодаря окислившейся меди (подходит: «2 ряд зеленый»). Следовало проверить, что там кроется в этих ящиках, и молодежь – Дидье с Маурицио – была отправлена на разведку. Основательно замочив сначала брюки, а потом и остальной гардероб, разведчики выяснили, что ни один ящик не открывается.

– И ручки не крутятся, – отвечали они на предположения «с берега», – и не нажимаются. И тот ящик, что в животе, – тоже монолитный.

– Который «третий ряд грудью» – вооше не грудью, – разъяснял народу Маурицио. Он видел текст воочию. – Там написано не «a petto», а «appetto» – знач «напротив»!

И что это теперь значит – «третий ряд напротив»? Грудь гораздо лучше подходила, хотя в районе солнечного сплетения богини находился не ряд, а еще только один ящик. Дальше шла вообще абракадабра про тузы и трех- и четырехзначные цифры. Хотя насчет цифр у народа была зацепка – обрамляющий чашу мозаичный орнамент с большим количеством зеленых и желтых пластин, которые возбужденная публика немедленно принялась считать, двигать и надавливать. Безуспешно, естественно, только отломали парочку.

Последней надеждой были часы. Дидье объявил, что читал о тайниках, открывающихся раз в сутки, поэтому все терпеливо подождали, пока не наступит двадцать один тринадцать, тем более, что ждать пришлось всего десять минут. После чего пришлось признать, что перспективный, на первый взгляд, фонтан никаких сюрпризов в себе не таит.

Но охотники за сокровищем рук не опустили, а наоборот – закатали рукава, особенно после того, как археолог напомнил, что, согласно существующему законодательству, владелец территории, на которой производятся поиски, забирает лишь половину клада, вторая же половина принадлежит нашедшему. Правда, при одном условии: если вышеуказанный клад найден случайно. Что означает – в переводе на разговорный итальянский – мебель не крушить, стены не ломать.

Будущие наследники поклялись быть исключительно аккуратными и, зазубрив наизусть семистиише, разбрелись по дому. Не пошли вместе со всеми только Роберто с женой – они расположились в патио, куда были немедленно доставлены напитки и забытый всеми десерт.

Самуэль по просьбе хозяина принес и крокодиловый кейс. Анна думала, муж сразу уткнется в свои бумаги, но он молча пил чай, глядя невидящим взглядом куда-то сквозь стол. Она вежливо-участливо поинтересовалась самочувствием, полетом и офисными новостями.

Муж отвечал, но чаще односложно, смотрел в сторону, очевидно, думал о другом. На вопрос о том, правда ли, что Филиппка в университете обижали, рассердился:

– С чего ты взяла? Патриция, что ли, со своей пропагандой? Ну я с ней попозже переговорю.

– Просто хотелось знать, куда он теперь, – попыталась Анна вернуть разговор с золовки на мальчика.

– Куда следует.

Не хочет говорить – и не надо, решила девушка, подвигая к себе розетку с тирамису (синьора де Роз готовила его отменно!). Зачерпнула ложкой все слои – от «подземного» печенья савоярди до шоколадного напыления – и отправила в рот. Жевала и жалела Роберто: сколько всего он из-за своей болезни теряет... – и уже мысли устремились в привычную противоразводную колею, как вдруг услышала:

– Вот что, Анна. Дальше себя обманывать не имеет смысла и так долго тянул.

«Неужели сам расхотелся надумал?» – обрадовалась про себя Анна. Ее заключение подходит к концу, шанс на долгожданную нормальную жизнь забрезжил в конце туннеля ярким светом. – «Ага, как же, нормальную», – прошипел внутренний голос. И припечатал уничижительно: «До следующей ошибки, ваша светлость». – «Ошибок больше не будет», – возразила про себя Анна. Но головой, видимо, помотала «вслух» – муж посмотрел на нее вопросительно.

Объясняться, однако, не пришлось – в этот миг живые шторы перголы раздвинулись, и появился с планшетом Филиппо. Ни на кого не глядя, вундеркинд молча уселся за стол и принялся листать электронные страницы с невероятной быстротой – это он так читал. Роберто махнул рукой – после, мол, и, достав из портфеля папку, погрузился в работу.

Анна посидела еще некоторое время, слушая оркестр цикад (судя по многоголосию, они паслись тут в больших количествах) и прихлебывая чай из расписной пиалы. Эту посудину держали специально для нее – сами итальянцы чай никогда не употребляют (ромашковый настой в случае болезни не в счет), исключительно кофе, даже вечером. Анна же любила после ужина побаловать себя листовым чаем, желательно с вареньем – привычка из детства. Ну раз уж варенья нет, тирамису тоже, конечно, сойдет. Она съела еще кусочек, допила чай и, пожаловавшись на усталость, удалилась спать. Не для того, чтобы избежать последующего разговора (если мужу непременно сегодня важно поставить все точки над «и» – пойдет за ней). Но если она ошиблась и тема будет другая, то желательно хотя бы избежать исполнения супружеского долга. «Он у мужчин не имеет отношения к любви, – уточнила она для внутреннего голоса, поднимаясь по мраморной лестнице. – Подожду похорон и после заговорю о разводе. Что, в конце концов, может измениться за пару дней?»

Глава 2. Графиня разбитых сердец

– А сокровище, значит, вас не заинтересовало... – недоверчиво-вкрадчиво протянул колонель. – Показалось незначительным по сравнению с грядущими алиментами?

– Показалось непорядочным его искать, имея бракоразводные планы, – спокойно проговорила Анна, но легкий румянец, вспыхнувший на щеках, выдал возмущение. – А что до алиментов, у нас матримониальный контракт. В случае развода мне положена весьма скромная сумма, и ни на какое движимое и недвижимое имущество я претендовать не вправе.

Колонель склонил набок свою породистую голову. Теперь немигающие глаза смотрели искоса и, казалось, считывали информацию, как рентген.

– У вас практически нет акцента. Давно в Италии?

– Спасибо. Сразу после свадьбы приехала. Пять лет.

– И отчего же после пяти лет разводиться надумали? Разный менталитет? – сказано это было таким насмешливым тоном, будто менталитет не являлся причиной номер один разводов в межнациональных браках, а неким приличным прикрытием настоящих резонов.

По поводу же резонов, было очевидно, следователь не сомневался. А что еще можно подумать при наличии мужа – гражданина Западной Европы, к тому же владельца заводов-газет-пароходов, к тому же, можно сказать, преклонного возраста, и жены – молодой и, будем считать, нестрашной, родом из Восточной Европы?

Предположения рисовались живо, и все – нелицеприятные. Но даже они были лучше настоящей причины, которую открывать следователю было никак нельзя. Решит еще, что обвиняемая надумала от суда по причине психической нестабильности откосить. Хотя мысль неплохая, если, конечно, справедливость не восторжествует раньше.

А правда была такова: пришла, наконец, пора исправлять ошибку, допущенную на бизнес-митинге пять с небольшим лет назад. На деловых встречах вообще часто совершаются ошибки и перекраиваются судьбы, но эта катастрофа была несколько другого свойства. Анна потеряла веки, словно это могло прогнать воспоминание, но миланский офис Роберто никуда не делся. То, что больше всего хочешь забыть, по закону подлости вплавляется в память навсегда.

Это было последнее запланированное мероприятие, до выходных оставались минуты, а самолет назад, в Москву, – только послезавтра. В свежевывмытые окна зала совещаний стучалась весна. Небо было синим, как море, и белоснежные яхты-габианы грациозно парили на невидимых волнах. Сосредоточиться на поставках и ценах не получалось, несмотря на третий эспрессо. Глаза, вместо того чтобы изучать контракт, уставились на председательствующего Роберто. Почему-то ужасно захотелось узнать, появляются ли ямочки на его щеках, когда он улыбается. От ямочек воображение поскакало куда не надо – Анна представила и как он целуется, и каков он без своего костюма с торчащим из кармана платком, и что он любит на завтрак. И все. Синьор Морацци поднял на нее непонимающие глаза и улыбнулся. Первая мысль была – ямочек нет. Вторая – не уследила! Не остановилась вовремя, и теперь этот мужчина у нее в сетях. Очередная жертва странной Аниной способности влюблять в себя представителей противоположного пола. Правда, сама Аня этот свой дар считала проклятием и как могла пыталась противостоять. Техники для концентрации внимания изучала, осваивала приемы для контроля мыслей – все, чтобы обуздать свою избирательную гипнотическую телепатию. Такое она подобрала проклятию научное определение.

Свойство это, по-видимому, имелось у нее всегда, только поначалу подозрений не вызывало. Ни в детском саду, где чувство было индуцировано в первый раз (потерпевшего потом в другой садик перевели), ни в школе: десять лет неразлучно с Сашкой Андреевым – и за партой, и вне ее. Их учителя так и отмечали на уроках: «Андреев-Ясинская здесь?» Все были

уверены, что они с последнего звонка прямиком в загс отправятся, да только вот проклятие помешало.

Или помогло? Ведь могла бы никогда и не узнать про свою телепатию, так и жила бы до старости с Сашкой. Стали бы художниками, как и собирались, детей бы завели и были бы счастливы, наверное. Встречаются же такие пары – на всю жизнь. Но Ясинскую счастье, которое в неведении, не привлекало. Это как ходить пешком, не зная, что умеешь летать, думала она. Вот если б полетал, а потом сознательно землю выбрал, тогда да. Даже если каждую ночь небо будет сниться – все равно. Анна предпочитала знание, независимо от последствий.

И последствия не заставили себя долго ждать. Проклятие заявило о себе прямо на выпускном. Галка (лучшая подруга) докладывала про первый интим – в душещипательных подробностях, а потрясенная рассказом Аня представляла эти самые подробности, глядя на Галкиного кавалера – он, на свою беду, танцевал в пределах видимости. Кавалер был коротконог, длинноволос и не обременен интеллектом – на трезвый рассудок Ане бы в голову не пришло такое представлять. Сорокапроцентным помутителем ума объясняла она и внезапное чувство, нагрянувшее на гориллу, – да так внезапно и ослепительно, что объект желаний был вынужден спасаться бегством. А чем еще было объяснить? Любовь по собственному желанию отпадала – не столько из-за Галки, сколько по причине Сашкиных кулаков. И только когда среди несладких слов подруги (уже бывшей) прозвучало: «Ведьма!», Аня наконец связала свои алкогольные фантазии с нерациональным гориллиным поведением. И ужаснулась. Не из-за гориллы, конечно, а из-за Сашки: выходит, все у них было не по-настоящему? А что же это тогда? Приворот? Сумасшествие?

Когда происходящее становится похожим на безумие, главное – решить, куда податься: на крышу, к священнику или в науку. Но сначала следует убедиться, на самом ли деле – дар? Не примерещилось ли?

И Аня отправилась убеждаться. Через неделю после выпускного приехала в ночи на вокзал – с учетом аспекта безопасности. Поездов после десяти было немного, и в первом составе материала для экзамена не нашлось – проводницы негодились. Зато из полуночного нижнетагильского вывалился ноги размять целый взвод – выбирай кого хочешь! Аня почувствовала себя Гингемой из Голубой страны. Пока выбирала солдатика, думала: что, если колдуньи на самом деле существовали? Вдруг инквизиция не просто так косила женщин? И еще – был ли выбор у бедных волшебниц? Если они уже такими родились...

Остановилась на пареньке, что стоял спиной, – для чистоты эксперимента. Вздохнула глубоко – и принялась представлять самое нескромное кино, на которое была тогда способна, с собой и неизвестным солдатом в главных ролях. И хотя особых знаний в постельной сфере пока не имелось, солдату хватило – он развернулся и направился точно к кустам, где находилась Гингемская засада. Повезло еще, что сослуживцы успели с полпути отловить и обратно в вагон засунуть – поезд трогался уже. И пока состав набирал ход, из открытого окошка неслось что-то отчаянное про незнакомку, адрес и первую любовь.

Доказательство было получено. Колдунья вылезла из убежища и поползла через душную июльскую ночь на Молитовский мост. Стояла у перил до рассвета, пока вчера не осталось позади, а впереди не взошла другая, новая жизнь. Там, на мосту, и было принято два судьбоносных решения: поступать на биологический (а именно на кафедру физиологии человека), чтобы изучить проклятое свойство, и больше страдания никому не приносить. Хватит ей Галки и Сашки (солдат с гориллой и несовершеннолетний детсадовец не в счет).

После этого и появился браслет с кубиками – чтобы быть всегда начеку. Следить за каждым своим взглядом, за каждой мыслью. И первые нанизанные буквы до сих пор были на месте: ТВОЗТКП – «Ты в ответе за тех, кого приручил»⁶. Чтобы не приручать кого попало.

⁶ Маленький принц. Антуан де Сент-Экзюпери.

И Анна старалась не приручать: не разрешала себе увлекаться никем даже на минуточку. А когда не удержалась – с Роберто, сразу решила на свадьбу. Потому что, во-первых, раз влюбила – следовало сделать его счастливым, а во-вторых, если честно, у самой сил больше не было шагать по жизни одной.

Одного только не учла хозяйка необыкновенного дара – что любовь, даже самая феноменальная, проходит. По крайней мере у Роберто прошла. А значит, на его дальнейшую жизнь Анна права не имеет. И так вон сколько украла! Самозванка. Графиня разбитых сердец.

Но колонелю всего этого знать не полагалось, правду следовало подать ему в адаптированном к реальности виде.

Ясинская положила обе руки на стол – ей, мол, скрывать нечего – и сообщила:

– Причиной нашего брака была любовь. Если ее больше нет, быть вместе не имеет смысла.

А что, вполне убедительная точка зрения. Многие так думают, наверное. Но, видимо, не колонель. На его лице каруселью промелькнуло удивление, насмешка и жалость.

– То есть, кроме исчезнувшей любви, проблем никаких больше не было? – Он смотрел на нее с выражением, с каким смотрят на проштрафившихся детей.

Анна молчала, пальцы искали отсутствующие кубики. Пусть любовь у Роберто была искусственная, зато проблемы у Анны были настоящими.

Что ему, весь список озвучивать? Пункт первый: отсутствие общих интересов. Пункт второй: отсутствие коммуникации. И так до сто тридцать пятого – тяжело сложа руки сидеть.

Роберто ни о каких густонаселенных мужчинами офисах и учебных заведениях даже слышать не хотел. Еле на частного учителя по изобразительному искусству согласился! (Рафаэле, слава богу, был и швец, и жнец в одном флаконе – Анне и живопись, и скульптуру, и историю искусств преподавал.)

– Это имеет отношение к делу? – безнадежно протянула она.

– У нас тут убийство, синьора Ясинская, – напомнил колонель. – Все имеет отношение.

Анна поразмышляла, какой пункт будет наименее личным, и решила начать с последнего:

– Когда мы познакомились, я работала. Была старшим менеджером в фармакологической фирме (все равно же узнает). Собственно, поэтому мы и встретились – я приехала приобрести лицензию на некоторые препараты. Ну, вы знаете, медицинский концерн «Морафорт» – это предприятие Морацци. Слышали, может, рекламу «„Морафорт“ – будь сильнее!»? – проскандировала она знакомый каждому итальянцу медиаслоган.

Колонель не ответил. Шансы понравиться ему или, на худой конец, вызвать сочувствие таяли на глазах, как и время, оставшееся Анне на свободе.

– В общем, Роберто с самого начала не хотел, чтобы я работала, да и мне казалось, здорово быть домохозяйкой. Но я ошибалась, – скомканно завершила рассказчица. И чтобы не видеть синих, прожигающих кожу глаз, перевела взгляд на свои руки.

Помолчали.

– Значит, имеем пока следующее, – наконец отозвался следователь, – супруга, имеющая самое близкое понятие о лекарственных препаратах, решает вернуть себе незамужний статус. Но цивилизованное расторжение брака ей невыгодно, потому как она при таком раскладе получает три чентезима⁷, образно говоря. В случае же кончины супруга ей по благородным итальянским законам положено... кхм-кхм... куда больше. Но рисуется проблема: нелюбимый более супруг планирует изменить завещание, причем в самом ближайшем будущем – буквально завтра. И это наталкивает нас на мысль, что кончина его, судя по всему, будет безвременной. – И еще улыбнулся широко, садист.

Анна решила не давать ему повода для радости и, вместо того чтобы начать оправдываться и доказывать, что она никакая не убийца, а совсем наоборот, попросила кофе. Принесли

⁷ Евроцент (*итал.*).

две маленькие чашечки с неожиданно хорошим эспрессо. Пока пила, размышляла, положен ли заключенным кофе. Может быть, хотя бы по праздникам? Настроение было – будто декофеинизация в организме уже началась.

Сразу после кофе колонель возобновил экзекуцию.

– Значит, еще и одиннадцати не пробило, когда вы отправились в спальню. Прямоком. И никто вас, конечно, не видел.

– Если честно, то не совсем прямоком, – призналась подследственная. – Я заглянула на кухню за баночкой сока и заодно налила себе бокал вина, чтобы быстрее заснуть. Возле крыльца встретила Дидье, видимо, его пассия отослала выгулять собаку. Он ругался, что пес никак не желает совершать то, что ему положено совершать перед сном, и в итоге спустил его с поводка. Наверное, хотел побыстрее вернуться на «прииск». Поднимаясь вверх, я слышала, как хлопнула входная дверь.

– В какой вы ночевали спальне? – поинтересовался колонель.

– В желтой. Это была детская Роберто когда-то, мы всегда там останавливаемся. И остальные тоже на своих местах: Патриция – в оранжевой спальне с Карло, в соседней зеленой – Клаудия и Дидье, а фиолетовую поделили Филиппок и Маурицио. Раньше, когда Филиппок был маленький, он ночевал в желтой комнате с родителями, но с моим появлением перебрался к дяде. Это и понятно – его спальня, если честно, до сих пор напоминает детскую: один двухметровый звездолет из конструктора «Лего» чего стоит! А по всему периметру комнаты – дорожка железная, с миниатюрными поездами, станциями, человечками. Представляете?

Взгляд следователя красноречиво показал, что представляет он сейчас совсем другое, и Анна быстренько завершила объяснение:

– Конечно, теперь теоретически можно было спать в Сильваниной комнате, но никто не выразил охоты.

Колонель Монте пододвинул подозреваемой чистый лист бумаги и попросил нарисовать план дома. Анна старательно изобразила все три этажа: на первом – кухня, столовая, совмещенная с гостиной, кабинет-курильная и библиотека. На втором – четыре гостевые спальни (бывшие детские), на третьем – одна, хозяйская.

Сатрап придвинул чертеж к себе и сухо поблагодарил.

– Если вам больше нечего добавить о предшествующем преступлению вечере, – проскрипел он с нажимом, – переходим к следующему утру. Итак, вы проснулись.

9:01

Проснулась Анна от телефонного дриньканья. «Вам письмо!» – сообщил радостный мультяшный голос. И опять: дринь-дринь, «Вам письмо!» – это у нее поставлен такой рингтон оповещения о приходе СМС. Веселенький.

Со сна не поняла даже, что именно не так. Потом дошло – СМС. Которого здесь, в этих стенах, быть не должно. Она поэтому и телефон вчера из сумки не доставала – зачем, все равно не работает? Или доставала? Вон же он лежит, на тумбочке, возле пузатого бокала с подсохшими разводами от вина на стенках.

Девушка перекатилась на левый бок – место Роберто пустовало, подушка стояла непримятая. Только баночка с остатками сока на журнальном столике свидетельствовала о том, что муж здесь был.

Анна всегда оставляла ему сок перед сном – его любимый, гранатовый, самый полезный при его диабете. И вчера поставила запечатанную банку на прикроватную тумбочку с его стороны – это точно.

Будучи женой Роберто, она хорошо знала, какое значение он придает привычным ритуалам, особенно в поездках. Одежда должна быть обязательно развешена в шкафу, вне зависимости от длительности пребывания. Ванные принадлежности следует расставить в точности как дома: зубные щетки – слева, бритвенные причиндалы – справа. Пижама полагается ждать хозяина не где-нибудь, а под подушкой, а соку – на расстоянии вытянутой руки.

Для обычных людей перемещение банки на журнальный столик говорило о том, что им взбрело в голову почитать, например, забравшись в стоящее рядом массивное кресло, или полюбоваться оттуда видом на спящую жену. Но в случае Роберто столь вопиющее нарушение привычки означало нешуточное волнение. Таковое случалось редко и в основном касалось проблем концерна. Может, работает? Но в таком случае что делает под столом крокодиловый чемодан?

Анна перевела взгляд на стену, по всей площади увешанную часами. Коллекция, начатая старым графом в те времена, когда он еще не был старым. Считалось, что первые часы появились в детской в день рождения Роберто, и с тех пор число их перевалило за сотню (часть теперь висела в их миланской квартире). Муж говорил, что каждый новый экспонат, привезенный отцом из какой-нибудь заграничной поездки, был незабываемым праздником. Отец обстоятельно рассказывал его историю, объяснял устройство, и они вместе водружали нового жильца на стену.

Старый граф покупал только часы без боя (поучая сына: чтобы смотреть на них, когда нужно тебе, а не им), не все антикварные, но все ручной работы. И главное в них было – внутренний секрет. Например, попугай из чистого золота, впрыгивающий на жердочку в серебряной клетке каждый круглый час. И это еще наименее изощренный из всех механизмов. Самые уникальные экспонаты являли собой нечто совершенно неожиданное: рыцарь на коне побеждал дракона; семь котов танцевали: были даже часы-библия, которые открывали каждый час новый псалом. Библию, кстати, приобрел уже Роберто, в каком-то захолустном монастыре. Но в основном здесь, на вилле Сильваны, базировалась «старая коллекция», «новую» муж размещал в миланской квартире, в комнате Филиппо.

Мальчик не возражал, но и не проявлял особого восторга. В отличие от отца и деда, часы его не интересовали. Роберто тем не менее продолжал их покупать и вешать в комнате сына, хотя сын дома уже практически не бывал.

Иногда Анна думала, что Роберто таким образом хочет приручить время, посадить его в клетку или даже остановить. Но он собственноручно заботился о том, чтобы все часы работали безукоризненно. Здесь, видимо, за этим тоже следили – сейчас вся коллекция разными способами показывала одно время – ровно девять.

Анна протянула руку за телефоном. Так, новое сообщение. Отправитель неизвестен. Ну что ж, откроем.

«I documenti mi devono essere consegnati prima delle 18, altrimenti tutti subiranno la sorte di tuo marito. Oppure ancor prima se vedo la polizia. M.Monte⁸».

– Какая идиотская шутка, – от возмущения Анна заговорила вслух.

Тряхнула головой, словно отгоняя дурные мысли, и продолжила убедительно:

– У благородного семейства извращенное чувство юмора. Может, они вчера нашли-таки тайник и, поскольку я единственная не в курсе, решили меня разыграть? Дебилы, право.

Она сползла с кровати и поплелась в ванную, пытаясь не обращать внимания на то, что сердце забилось быстрее, а в животе неприятно закисло. Сопротивлялась тревожным симптомам недолго – пока умывалась да вставляла линзы. Потом сдалась – влезла в джинсы, сунула телефон в задний карман и, застегивая на ходу шелковую рубашку, вышла в коридор.

⁸ «Документы должны быть переданы мне до 18:00, иначе всех постигнет участь твоего мужа. Или даже раньше, если увижу полицию. М. Монте» (итал.).

Дом еще спал. Все двери на этаже были закрыты.

«Если шутник за одной из них, сейчас засмеется и выпрыгнет», – понадеялась Анна. Проплывала туда-сюда по коридору, прислушиваясь, но в комнатах стояла тишина. Делать нечего, надо идти вниз.

Лестниц на первый этаж две. Она свернула на ближайшую, ведущую в гостиную (вторая соединяла спальный уровень с библиотекой, где, по идее, в такую рань никого быть не должно). Прошлепала босыми ногами по холодным каменным ступенькам.

Ни души. В розово-лимонном утреннем фильтре лестничного окна резвились пылинки.

Вот и гостиная. Без людей она была похожа на музейный зал, в который зашел первый посетитель. Остатки вчерашней трапезы убраны, стулья аккуратно приставлены к столу – казалось, здесь ужинали не вчера, а как минимум полвека назад.

Интересно, кто по утрам спускался первым? На секунду представилась молодая Сильвана, ведущая за ручку первенца в коротких штанишках, а его светлость, читающий «Il Messaggero»⁹ за чашечкой кофе, откладывает газету, чтобы поцеловать сына.

Странно, раньше ей такие фильмы в голову не приходили – наверное, оттого, что Анна, пробуждаясь обычно ближе к завтраку, никогда не бывала в замке Сильваны одна. Кстати, о завтраке – на кухне тоже никого... Странно, разве прислуга не должна уже готовить? Кофе хотя бы. Ладно, потом.

Она выпила стакан воды из-под крана и продолжила поиски мужа.

Вернулась в гостиную и оттуда направилась по темному проходу в библиотеку. Окон здесь не было, а где находится выключатель, Анна не знала. Похлопала рукой по стене возле входа – безрезультатно, громко поинтересовалась у мрака, есть ли здесь кто-нибудь – безответно.

За библиотекой находилась курительная комната, и хотя ею пользовались крайне редко, проверить стоило – вдруг Роберто там?

Она вынула из кармана телефон и, выбрав аппликацию «фонарь», осветила перед собой. Действительно – ни одной живой души. Этот многоуровневый муравейник от первого этажа до аттика был заселен книгами. В центре длинным пьедесталом царил стол, под который Анна зачем-то заглянула, а в углу, рядом с двусторонней ученической доской, стоял огромный старинный глобус – наверное, для обучения графских детей. Молодая женщина осветила туда фонариком и перекинула белый зайчик на балюстраду. Ничего подозрительного.

Обойдя напоследок две витые колонны (и за ними никто не прятался, кроме горбатой стремянки), она направилась в противоположный конец помещения. Зигзагами пересекла пространство (черные напольные плиты чередовались с белыми, и Анна старалась наступать только на белые – некоторые детские игры переходят во взрослую жизнь) и толкнула витражную дверь, ведущую в кабинет-курительную.

При жизни графа это помещение использовалось в качестве джентльменского клуба. Потягивая многолетние напитки, мужчины играли здесь в шахматы или брисколу¹⁰, курили и обсуждали политику Альдо Моро. Здесь рождались идеи и заключались сделки. Теперь же о делах минувших лет напоминал только зачехленный бильярдный стол под зеленым абажуром.

Кроме него из мебели выжил только изогнувшийся буквой «П» диван, обитый кожей цвета шоколада, в нише которого устроился низенький стеклянный столик. Его Анна не сразу увидела – солнечный свет из высоких стрельчатых окон после темноты резал глаза. Потом пригляделась. На столике стояла гильотина для сигар и пепельница с единственным окурком. Напротив пепельницы, на диване, сидел одетый во вчерашнее Роберто, откинув голову

⁹ «Вестник» – итальянская газета.

¹⁰ Брискола – карточная игра.

на покатую спинку. Одной рукой он вцепился в подлокотник, другой оттягивал вниз воротник рубашки. На бледной шее маленьким айсбергом торчал кадык.

Анна смотрела только на этот кадык и не замечала, что кричит. Перестала, только когда перед глазами выросло двигающее губами лицо Дидье. Кроме лица, в кадр влезла загорелая грудь, совершенно без растительности, но с золотой буквой «D» на толстой цепи, и трусы. Трусы с нарисованными наручниками – она такие видела в «Интимиссими», все думала: кто их такие покупает? Вот, значит, кто. Это показалось таким невероятно смешным, что девушка захохотала.

– Это шок, – различила она через несколько секунд или минут голос Маурицио. Он тоже был с голым торсом, но в брюках. Подошел к дивану, потрогал запястье брата, покачал кому-то головой.

Анна повернулась. У двери сгрудились остальные родственники, кто в чем. Карло был в пижаме и шлепанцах, Патриция – босиком, в ночной сорочке, Филиппо в измятой со сна футболке и туфлях. Одна Клаудия уже успела навести марафет: волосы уложены, губки блестят помадой, на шее – свежий цветастый платочек.

– Ребенка, ради всего святого, уберите! – скомандовала Патриция, пытаясь заслонить от Филиппо картину, грозящую надолго травмировать детскую душу. Даже, может быть, навсегда.

Клаудия проворно схватила бессловесного племянника за руку и выволокла с места преступления. А в том, что это было именно место преступления, а не какой-нибудь банальный инфаркт, никто не сомневался ни секунды. Уж очень нехорошее было у покойника лицо.

– Мертв как минимум несколько часов, – со знанием дела постановил Маурицио. Хоть он и являлся хирургом, а не патологоанатомом, но лучше него в человеческом организме все равно никто из присутствующих не смыслил. – Точнее без термометрии печени не скажешь. Очень похоже на кетоацидоз, но не исключено отравление каким-нибудь быстродействующим ядом. Рубашка под пиджаком влажная, резкий запах пота.

Анна на этих словах начала заваливаться на державшего ее за плечи Дидье и снова увидела мир уже в гостиной. Мир был белым с финтифлюшками. Через несколько долгих секунд догадалась – потолочная лепнина.

– Какой удар! – влетел в ухо голос Патриции. – Акции, конечно, упадут в любом случае, но одно дело, если мы сами сделаем заявление, причем о естественных причинах, и совсем другое, если журналюги пронюхают про яд.

Звук то удалялся, то приближался опять – вице-президент «Морафорта» маршировала от колонны к колонне.

– Подозрительная череда смертей в родовом гнезде миллионщиков, – грассирующее бление изображавшего телеведущего Дидье раздавалось совсем рядом. – Вслед за психически нездоровой мамашей отправляется на встречу с Создателем предводитель клана. Кто следующий?

– Не кривляться, молодой человек! – запретила Патриция, но голос дрогнул – должно быть, задумалась, кто следующий.

Осознав, что до сих пор пялится на барельефного ангела, Анна опустила глаза ниже. Голое мужское плечо, загорелое, на *musculus deltoideus*¹¹ – перевернутая пентаграмма. Здравствуй, дьявол.

Анна поднялась на локте. Оказалось, она лежала на роскошном канapé (про себя она называла его императорским – точно на таком же возлегал Паулина Бонапарте в галерее Боргезе). Дьяволом оказался Маурицио, ссутулившийся на банкетке в изголовье ее величественного ложа. С другой стороны, на портике камина, расположился француз, хотя мест для сиде-

¹¹ Дельтовидная мышца.

ния было хоть отбавляй – три золотоспинных кресла и оттоманка с бархатными подушками. Профессор стоял тут же, облокотясь на кирпичный дымоход.

– Надо звать полицию, – поднял голову деверь.

– Не надо, – тихо сказала Анна, вынимая из кармана телефон. Уже стало понятно, что утреннее СМС – никакая не шутка. Не подозревающие до этого момента о своей участи жертвы по очереди ознакомились с условиями шантажиста. Аппарат сделал два круга по рукам, прежде чем Карло переместился в дальнее кресло, а Дидье снял с сервитера кованую пику и положил рядом с собой.

Патриция протянула телефон брату:

– Связи, однако, нет.

Маурицио глянул на экран.

– Открыт bluetooth. Значит, тот, кто отправил сообщение, находится в радиусе ста метров.

– Зачем же так далеко, друзья мои? – сладким голосом пропел Дидье. – Можно и поближе. «Faux messages» называется. Подделка, сообщение самому себе. Якобы от товарища. Очень удобно, если надо выйти из дома или подготовить себе алиби. Русская мадам хотела нас всех одурачить. Думает, мы такие же идиоты, как ее муж... покойный муж.

Патриция насмешливо посмотрела на француза:

– Чья б корова мычала! Можно подумать, вы другой масти, синьор жиголо! Ладно хоть у Клаудии хватило мозгов не выходить за вас замуж! А то неизвестно, кто бы сейчас в курительной лежал. Хотя это вряд ли – вы, поди, удавили бы ее без свидетелей, устроили бы какой-нибудь несчастный случай, в лесу, например, или в бассейне. Если б, конечно, у вас этот бассейн был.

На альфонса эта тирада ничуть не подействовала.

– К вашему сведению, дорогая Патриция, – невозмутимо отвечал он, – чтобы поднять свои гонорары, совершенно необязательно кого-то умертвлять. Можно просто поменять source de revenus. Вам это в голову не приходило? Ах, ну да, вы же сами являетесь, как это... доходным источником. Только у вас это называется «спонсор археологической экспедиции», – он растянул улыбку во все лицо и игриво помахал пальцами Карло.

Историк с укором посмотрел на обидчика, потом перевел взгляд на жену, но ничего не сказал. Вместо него непривычно грубо высказался Маурицио.

– Заткнитесь, все! У нас тут убийство, а не семейный обед. (Анна только сейчас поняла, что от волнения он говорит на чистом итальянском.) После будете упражняться в красноречии. Сейчас поважнее вопросы есть. Если этот чертов колонель Монте...

– Какой колонель, ты что, Маурицио? – перебила Патриция. – Никакого колонеля Монте не существует. Мы слышим это имя уже двадцать лет, и за это время никто за великими секретами государственного значения не явился. Нет, это кто-то нарочно пытается ввести нас в заблуждение. Отвлечь наше внимание от себя, – Патриция остановилась и посмотрела прямо на Анну. – От своего участия в этом грязном преступлении. В убийстве нашего брата!

– Баста! – грохнул кулаком по ручке тахты Маурицио. – Значит, так. Сейчас все быстро приводят себя в порядок, после чего дружно идем в полицию.

Карло все так же молча встал и вышел. Патриция пыталась еще немного поспорить с братом, взывая к чувству долга и благоразумию. Требовала задуматься, если не о собственной судьбе, то хотя бы о будущем компании. Маурицио уверил сестру, что заботится и о том и о другом, поскольку хоть и не вице-президент, но владеет точно таким же пакетом акций, как и у нее.

Дидье вызвался посторожить русскую и заодно дом, но Маурицио и здесь был непреклонен: в участок идут все, а за Анной он и сам превосходным образом посмотрит.

Как только они остались вдвоем, он пересел на канапе и взял ее за руку.

Ладонь его была гораздо горячее, чем Анина, – прямо огонь.

«Огонь ада», – подумала девушка, вспомнив о пентаграмме. Почему-то раньше она эту татуировку не замечала. «Естественно, – ответила она себе, – ты же первый раз видишь Маурицио без одежды». Идиотские мысли лезут в голову, когда надо защититься от других, серьезных.

– Это не я, – глядя в карие с янтарным отливом глаза, сказала Анна.

– Я знаю, – кивнул Маурицио.

Как же он на брата похож! Те же четко очерченные губы, тонкий нос, сросшиеся на переносице низкие брови, делающие хозяина похожим на хищную птицу. Но не на орла, каким, без сомнения, являлся старший Морацци, а на что-то менее опасное, слегка прирученное. Как сокол.

Телефон в левом крыле сокола громко звякнул и заквакал мультяшным голосом: «Вам письмо».

Глава 3. Бритва Оккама

9:50

Стукнувшись головами, они уставились на дисплей.

«La modalità di consegna dei documenti sarà comunicata successivamente»¹².

Анна повернулась к Маурицио с немым вопросом в глазах, но он не отнимал взгляда от светящегося экрана. За то время, пока он его изучал, можно было прочитать сообщение раз пятнадцать. Не торопясь, с выражением.

Вдруг он вскочил и побежал по направлению к выходу. Анна, потеряв от неожиданности секунду, бросилась за ним. По тому же фарватеру обогнула стол и прыгнула через оттоманку, словно через спортивного козла. Маурицио уже вылетел в зеркальный коридор, не сбавляя скорости на повороте, и затормозил лишь у входной двери, приложившись к ней обеими руками. Дернул за витую ручку, еще раз – заперто. Откинул крышку замаскированного образком Мадонны щитка, набрал код на подсвечиваемой клавиатуре. Ответом ему был противный писк и надпись на зеленом экране: «Неправильная комбинация».

Подоспевшая Анна решила, что деверь, наверное, ошибся с разбегу, и уже открыла рот для совета проверить еще раз, но он уже несся через кухню к черному ходу. Пришлось опять гнаться за ним. Впустую – и эта дверь не поддавалась. Уже медленнее, но все равно довольно резво младший сын графини запрыгал от окна к окну. Что толку – везде же решетки. Анна сколько раз думала: как это должно быть ужасно – жить рокфеллером в этой тюрьме? Чего эти внутренние хоромы стоят, если снаружи мир в клеточку? А самое ужасное – что сам себя сюда засадил. Находиться в постоянном страхе – разве это не худший острог на свете?

У предпоследнего окна Маурицио наконец остановился, оперся руками на подоконник и уставился в сад. Анна уже не спеша приблизилась. Стекла были идеальной прозрачности, казалось, их вовсе нет. Только ветер не чувствовался – хотя и дул: вон кусты качаются. За кустами просматривался инвалидный «Фиат» супругов де Роз, ее «БМВ» тоже был на месте. Ворот отсюда было не видно. Все как всегда, ничего необычного. Но тут глаза перевели резкость с удаленных объектов на близлежащие, и Анна захлопнула ладошкой готовый вырваться крик.

В нескольких метрах от окна, у ирисовой клумбы растянулся белый с коричневыми пятнами шенок. Как-то сразу стало понятно, почему он не двигается. Так и смотрела на маленькое тельце, не моргая, пока не додумалась зажмурить глаза.

– Дядя, мы идем в полицию? – раздалось за спиной с едва различимой вопросительной интонацией. В дверях гостиной, изучая ковер под ногами, стоял Филиппо. Он был уже полностью одет.

Маурицио только удрученно покачал головой:

– Не сейчас, малыш. Позови всех сюда, пожалуйста! И как можно быстрее.

Филиппо развернулся и зайцем поскакал вверх.

«Бедный ребенок. Еще пока не понял, что случилось», – подумала Анна. А может, и не поймет – при синдроме Аспергера эмоциональные связи иначе складываются. Она читала, что привязываются аспергерцы только к тем, кто непосредственно ими занимается. Что об отце Филиппка даже с натяжкой сказать нельзя. Было нельзя то есть.

Через несколько минут, громко топоча по лестнице, спустились остальные заложники. Переодеться никто не успел, только француз напялил наизнанку поло. Выстроились в ожидании полукругом перед Маурицио и Анной. Лица хмурые, озабоченные. Рты закрыты, зато взгляды вопили всюду.

¹² «Способ передачи документов будет сообщен позже» (итал.).

Может, поэтому Маурицио тоже заговорил громко, отчетливо:

– К сожалению, я позвал вас, чтобы сообщить плохие новости. Первая – код смартлока изменен. Как вам известно, обе двери титановые, с противосъемными штырями – их хрен спилишь, да и нечем здесь. Решетки на окнах стационарные. Другими словами, дом запечатан.

Испущенный аудиторией вздох больше походил на всхлип, но оратор перекрыл его железным голосом:

– Не паниковать! – и, словно пресекая панику, поднял открытую ладонь. – Второе. Мы получили еще одно сообщение.

Он достал телефон и зачитал текст:

– «Способ передачи документов будет сообщен позже». Это означает, что убийца – не Анна. И не я. Разумеется.

– Разумеется? Вы с Аннет запросто можете быть сообщниками, – вскинулся Дидье.

Клаудия пихнула его в бок локтем.

– Не так уж Альфонс и не прав! – неожиданно вступилась Патриция. – Не в смысле, что сообщник ты, Маурицио, это бред, а что – он существует, сообщник. Ты сам сказал, он где-то недалеко. Необязательно в доме, он может быть и на улице, и в домике де Розов...

Она запнулась и уже медленно закончила:

– Их поэтому и не видно.

Клаудия махнула на сестру рукой:

– Ой, да ладно! Они же безвредные совсем! И столько лет нам служат! Матери то есть.

– О супругах де Роз нам ничего неизвестно. Но исключать худшее мы не можем, – все тем же металлическим голосом сообщил хирург. – Под худшим я имею в виду их насильственную смерть.

По залу пронесся общий, усиленный эхом стон.

– Кстати, третья новость – у нас еще один труп, – сообщил Маурицио.

Слушатели принялись вертеть головами, недоуменно пожимая плечами, – вроде все были на месте.

Подождав немного, Маурицио продолжал:

– Слава богу, на этот раз собака. Мне жаль, Клаудия.

– О нет! Только не это! Только не Бонапарт, – вскрикнула хозяйка барбоса. (Вот как его, оказывается, звали.) – Его-то за что? Не повинное ни в чем существо! Где же он?

Брат печально кивнул в направлении клумбы. К злосчастному окну кинулись все, кроме уже наглядевших на грустное зрелище и Филиппо, – Патриция велела ему не смотреть. Чтобы исключить случайное попадание трупа в кадр, посадила мальчика на банкетку, стоящую под зеркалом между окнами. В кресло соседнего простенка опустился Карло и раскурил сигару. Анна первый раз видела, чтобы в гостиной курили, но нарушителю никто ничего не сказал. Его и раньше-то нечасто замечали, а в кризисных условиях он сделался совсем невидимкой.

Безутешная хозяйка погибшего пса припала к туристской груди любовника, он гладил ее по волосам и шептал в ухо что-то французское. Но от окна не отходили, время от времени косясь на щенка. Патриция сдержанным галопом отправилась к входным дверям – самостоятельно убедиться в факте абсолютного заточения. После чего пронеслась в кухню, но и черный ход приятных сюрпризов не преподнес.

– Все закрыто, как и рассказал Маурицио, – объявила она, вернувшись, и принялась намазывать круги по гостиной, размышляя вслух: – Почему дали время до шести – ясно. Потому что позже придет синьор Бальдаччи... А почему нас ждет судьба Роберто? Непонятно. Он что, тоже получал угрозы? – Золовка вопросительно-подозрительно уставилась на Анну. При чем подозрений в этом взгляде было гораздо больше, чем вопросов.

– Или преступник просто хочет отвести от себя внимание, – предположила Анна.

– Или чтобы заставить нас искать клад. Потому что без нашей помощи он найти его не может, – добавил Маурицио.

Патриция застряла на миг, обдумывая сказанное братом, после чего продолжила маршировать.

– Но мы не знаем, где этот чертов клад. Ну эти чертовы документы. Но он об этом не знает. – Она даже не уточнила, кто это «он» – все и так поняли.

– Знает, – не согласился Маурицио, – поэтому и время дал. Если бы он думал, что документы у нас в руках, потребовал бы сразу. Значит, он в курсе, что вчера мы их не нашли.

– В курсе? Он что, наблюдал вчера вечером за нами? Следил?! – в ужасе пропищала Патриция. – Но как? Как он попал на территорию имения?

– На машине, конечно, – мордочка Клаудии вынырнула из ложбинки между пекторальными мышцами Дидье. Рука указывала на Анну: – Она единственная на машине приехала! На «БМВ»! Да там взвод убийц уместится, не то что один. Усадьбы одной мало показалось, так еще и клад наш захватить решила! Вот она, жадная русская душа!

Этого молодая вдова уже стерпеть не могла. Даже браслет не помог, хотя и дотронулась до него сразу же – рефлекс уже за столько-то лет выработался. ИЭП («И это пройдет») выручало почти каждый раз, когда хотелось выразить словами все, что в данный конкретный момент кипело на сердце. Дотронешься – и вроде как крышкой накрыл кастрюлю, и не будешь потом сожалеть и лечить нанесенные другим ожоги. Анне почему-то казалось, чужие раны лечить труднее, чем свои.

– Про русскую душу наоборот говорят – широкая, означает – щедрая, – как можно спокойнее ответила она. – А обвинения твои, мягко сказать, несостоятельны: зачем мне было везти с собой сообщника, если по дороге сюда я и понятия не имела, что Роберто виллу получил, а про клад знала столько же, сколько вы все. И когда – одновременно со всеми, заметьте, – услышала подсказку, то никакой obsessions, в отличие от некоторых, в поисках не выказала. – Все-таки выплеснулся кипятик.

– Вот именно! – подхватила Клаудия, брызгая слюной. – Зачем тебе было суетиться, если потом...

Маурицио дважды хлопнул в ладоши. В просторном зале получилось звонко, с эхом.

– Кла, успокоилась, быстро! – приказал хирург. – И ты, Анна, пожалуйста. Нам сейчас голословных обвинений не надо. Давайте все будем говорить по делу.

Он взял стул, на спинку которого до этого опирался, и придвинул к Анне. Усадив девушку, сам остался рядом, присев на краешек стола.

– Итак. Признаем, что гипотеза про сообщника имеет право на существование. Но я больше чем уверен, что убийство – дело рук того, кто находится сейчас здесь.

По залу прокатился общий вздох, усиленный акустикой, и немедленно началась перестрелка злобными взглядами.

– Судите сами, – снова притянул внимание к себе оратор, – из рук убийцы с улицы мой брат не взял бы яду, а подсыпать отраву именно в тарелку Роберто и уйти незамеченным из кишачего людьми дома, согласитесь, очень сложно.

– В тарелку очень просто поместить отраву, если ты повар, – заметил француз со значением.

Невероятность этого предположения явственно читалась в устремленных на альфонса презрительно-снисходительных взглядах.

Анна же разрушила его подозрения вслух, подтвердив невиновность де Розов:

– Берто не ел горячего, только закуски, а они подавались в общих блюдах.

– Эрго, – подхватил Маурицио, – остается два варианта: либо яд попал в жертву другим путем – например, через укол, либо брата убил не посторонний.

В тишине судорожно всхлипнула Клаудия. Патриция, пришвартовавшаяся к банкетке Филиппо, погладила его по голове.

– И тут нам на помощь приходит бритва Оккама, – продолжал Маурицио.

– Какая бритва, pardon? – не понял Дидье, и, судя по наморщенным лбам, не он один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.